

ционального конфликта. Традиционный антисемитизм населения Западной Беларуси, существовавший в основном на бытовом уровне, на протяжении 1939–1941 гг. приобрел политический оттенок, став одной из форм антисоветизма.

Воспоминания бывшего члена КПЗБ А. В. Горбата. Личный архив автора.

Государственный архив Брестской области (ГАБО). Ф. 1 (Брестский областной комитет КП(б)Б); Ф. 6 «П» (Высоковский районный комитет КП(б)Б); Ф. 292 (Временное управление г. Кобрин и уезда); Ф. 2219 «П» (Ганцевичский районный комитет КП(б)Б); Ф. 7580 (Барановичский областной комитет КП(б)Б); Ф. 7581 «П» (Пинский областной комитет КП(б)Б).

Государственный архив общественных объединений Гродненской области (ГАООГО). Ф. 2 (Гродненский городской комитет КП(б)Б); Ф. 2191 (Слонимский городской комитет КП(б)Б); Ф. 6195 (Белостокский областной комитет КП(б)Б).

Розенблат Е., Еленская И. Пинские евреи. Брест, 1997.

Турунак Ю. Беларусь пад нямецкай акупацыяй. Минск, 1993.

Bryna Bar Oni. The Vapor. Chicago, 1976.

Jasiewicz K., Strzembosz T., Wierzbicki M. Ogólna charakterystyka okupacji Sowieckiej na ziemiach Polnocno-Wschodnich II Rzeczypospolitej w latach 1939–1941 // *Okupacja Sowiecka (1939–1941) w swietle tajnych dokumentów.* Warszawa, 1996.

Kagan J., Cohen D. Surviving the Holocaust With the Russian Jewish Partisans. London, 1998.

Levin D. The Lesser of Two Evils. Eastern European Jewry Under Soviet Rule, 1939–1941. Pfiladelphia – Jerusalem, 5755/1995.

Manski S., Manski C. F. With God's Help. Madison, Wisconsin, 1990.

Motyka G. Białorusini a Ukraińcy wobec władzy komunistycznej na Kresach Wschodnich II RP w latach 1939–1941 // *Studia z dziejów okupacji sowieckiej (1939–1941).* Warszawa, 1997. S. 49–59.

УДК 94(47).084:323.2

Т. Н. Самсонова

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СССР: ДОСТИЖЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ, УРОКИ

Автор анализирует процесс формирования советской национально-государственной идентичности, осуществлявшегося в условиях политических, экономических и социокультурных трансформаций; раскрывает проблемы становления

национально-государственной идентичности в России после распада Советского Союза в 1991 году; рассматривает факторы формирования гражданских качеств россиян.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Россия, национально-государственная идентичность, патриотизм, советский народ.

Во всех преуспевающих государствах есть определенный «набор» символических элементов, которые являются своего рода критериями идентификации для их граждан. Эти символы содействуют формированию их лояльности по отношению к власти и государству, воспитанию чувства собственного достоинства, создают моральную основу для участия в общественно-политической жизни, в функционировании различных институтов и т. д. В такой символической идентификации особенно остро нуждаются граждане образующихся государств, где процесс разработки национально-государственной идентичности требует проведения масштабной, целенаправленной государственной политики и, как правило, сопряжен с немалыми трудностями.

Исследование процесса формирования национально-государственной идентичности в советской России в 1920–1930-е гг. имеет сегодня не только историко-теоретический, но и политико-прикладной характер. Для современной России, преодолевающей последствия переходного периода, определяющей политический и экономический векторы своего развития, не менее важно и восстановление идейной системы координат, выстраивание пространства постоянно меняющихся идентичностей. За последние десятилетия граждане нашей страны дважды пережили разрушение идейно-ценностных конструкций: на рубеже 1980–1990-х гг. рухнула вера в социалистические идеалы, а через несколько лет большинство россиян охватило разочарование в либерально-демократических ценностях образца 1991 г. Российское общество оказалось в идейном и ценностном вакууме, что в значительной степени усугубляло системный кризис и не могло не сказываться на развитии страны.

В этом контексте исследование процесса конструирования и функционирования советской модели национально-государственной идентичности может преподать некоторые «уроки» и быть полезным. Исторические сюжеты почти столетней давности требуют осмысления с учетом не только происходящих в современной России преобразований, но и вызовов глобализации, оказывающей заметное влияние на процессы идентификации.

Существуют разные подходы и интерпретации понятия национально-государственной идентичности [Титов, 2017, с. 13–25], а также и близких

ему по содержанию понятий – национально-гражданская, гражданско-государственная идентичность. Весьма продуктивна, на наш взгляд, трактовка национально-государственной идентичности как феномена массового сознания, имеющего культурно-психологическую природу. Ее репрезентацией является многогранный образ «мы», т. е. совокупность взаимосвязанных между собой представлений в различных проекциях – временной, пространственной, символической, лингвистической, повседневно-бытовой [Следзевский]. Другими словами, национально-государственная (национально-гражданская, гражданско-государственная) идентичность включает не только лояльность государству, но и отождествление индивида со своими согражданами, представления об этом сообществе, ответственность за судьбу страны и сопутствующие этому чувства – гордость, разочарование, обида, пессимизм или энтузиазм. В идентичности прослеживаются когнитивные, эмоциональные и регулятивные элементы.

Процесс целенаправленного формирования советской модели национально-государственной идентичности, начавшийся в середине 1920-х гг., осуществлялся в очень сложных условиях – глубокие социально-экономические проблемы; высшая степень фрагментации общества по разным линиям раскола – классовым, идеологическим, этнокультурным, религиозным; враждебное геополитическое окружение советской России и др. Построение нового общества было попыткой сформировать новый императив общественного устройства: «Мы наш, мы *новый* мир построим...» (выделено нами. – Т. С.). Другими словами, в основе этого процесса была установка на признание советского общества как уникального, впервые в истории человечества осуществляющего собственный путь национально-государственного развития.

Для осуществления такого грандиозного, оригинального проекта требовался тотальный разрыв с прошлым. По сути, предлагалась принципиально новая временная триада «прошлое – настоящее – будущее». При этом ключевым звеном выступало именно «светлое будущее человечества», достижение которого должно было в значительной степени оправдать «жертвенный» характер проводимой в стране в 1930–1950-е гг. государственной политики. Поэтому шло целенаправленное разрушение социальной памяти о досоветском прошлом. «Представление о целостности исторического процесса отчасти было деформировано и в массовом историческом сознании советских людей, – отмечает А. Б. Каменский, – поскольку официальная историография насаждала представление о том, что История началась в 1917 г., а все, что было до этого – лишь предыстория страны и народа» [Каменский].

Нечто подобное происходило в нашей стране на рубеже XX–XXI вв. Проявился «синдром потери идентификации на общегосударственном уровне» [Ионин, с. 272]. Предпринимались попытки отказаться от советского прошлого, представляя его исключительно в мрачных тонах. Такие слова из популярной советской песни, как «раньше думай о Родине, а потом о себе», «была бы наша Родина богатой да счастливою, а выше счастья Родины нет в мире ничего», нередко вызывали насмешки. Появились и получили широкое распространение термины «совковость», «совковый», «совок». Спору нет, без четко выраженного частного интереса трудно добиться реальных результатов. Но индивидуальные запросы, амбиции, аппетиты следует соотносить с соображениями всеобщего блага. Нельзя забывать о таких качествах, как скромность, коллективизм, солидарность. К тому же в России всегда существовал уклон в сторону взаимопомощи, коллективизма, равенства [Самсонова, 2016, с. 231–132]. Постепенно в массовом сознании складывается понимание того, что советский период является безусловным историческим наследием нашей страны, разрыв с которым нарушает преемственность и взаимосвязь поколений, ведет к потере чувства коллективной идентичности. Многие ученые, политики, рассматривая российский народ как гражданскую нацию, подчеркивают, что «идеология гражданской нации включает принципы ответственного гражданина, версию общего прошлого, с его драмами и достижениями, патриотизм и лояльность государству» [Тишков].

Советская модель национально-государственной идентичности с самого начала ее целенаправленного конструирования обладала рядом важных качеств, которые и обеспечивали ее устойчивость на протяжении нескольких десятилетий. Она носила внутренне целостный, интегративный и многоуровневый характер. Уже на начальных этапах становления советского государства была создана уникальная система институтов и механизмов политической социализации и гражданской идентификации. Можно сказать, что целенаправленная политика государства в этих вопросах была важным, более того, необходимым атрибутом самого государственного устройства. Это способствовало реальной интеграции разрозненных социальных групп в новую гражданскую общность – «советский народ». Кроме того, эта модель была ориентирована не только на национальные, но и на «общечеловеческие» интересы (*«мы рождены, чтоб сказку сделать былью»*), что давало возможность хотя бы отчасти затушевывать проявлявшиеся в обществе противоречия. Поэтому было бы упрощением объяснять успехи советского государственного строительства исключительно применением методов принуждения и насилия.

Советское государство не ограничивалось глобальной политической «повесткой дня» (идеи осуществления мировой революции, построения коммунизма как «светлого будущего человечества»), но и решало задачи конструирования позитивного образа «простого человека». Человек «включался» в макрополитические и социально-экономические процессы, испытывая при этом эмоциональный «эффект сопричастности» к великим созидательным делам. Тем самым частично преодолевалась фрагментация советского общества по упоминавшимся ранее классовым, этническим, религиозным, культурным признакам.

Анализируя истоки и смысл советского проекта, отечественные исследователи нередко отмечают опосредованную культурную и психологическую связь коммунистической идеологии и российского имперского традиционализма. Можно согласиться с мнением, что коммунистический миф «представлял собой структурно выверенную, синтезную конструкцию, в которой “история”, “миссия”, “правитель”, “государство” и “человек” были интегрированы воедино через масштабный образ коллективного будущего. Очевидно, что такая гипертрофированная “масштабизация” советского проекта, наличие мощного идейного стержня, ... внятного “образа прошлого”, выраженность “образа врага” придавали советской модели идентичности и устойчивость к различным идейно-политическим вызовам, и необходимый мобилизационный потенциал» [Титов, 2017, с. 66].

На рубеже 1930–1940-х гг. основным лейтмотивом формирования советской идентичности стала идея патриотизма. Патриотизм – «высокий» уровень идентификации личности, он «поднимает» каждого отдельного человека над его этническими корнями, выдвигая на первый план его принадлежность к своей стране. Объединительные и интеграционные идеи патриотизма в том, что он «представляет» государство (родину) как ценность, которая постоянно нуждается в совместных усилиях граждан. Патриотизм выступает важным фактором консолидации и согласования интересов различных групп и движений, единения государственных и общественных сил. При этом патриотизм означает не просто любовь, а «деятельную любовь», которая проявляется в том, что забота человека о своей стране становится и заботой о себе [Самсонова, 2011, с. 53–55; Самсонова, 2015]. Это наглядно проявилось в годы Великой Отечественной войны, когда граждане советского государства сплоченно выступили на защиту Отечества. «Здесь нет ни одной персональной судьбы, все судьбы в единую слиты» (В. С. Высоцкий).

Сравнительный анализ процессов становления национально-государственной идентичности в СССР и современной России позволяет вы-

явить еще одну параллель, своего рода «повторение». В 1920–1930-е гг. шло формирование нового пантеона национальных героев. Постепенно на смену периоду отказа от героев досоветского времени пришел период «вписывания» некоторых элементов «старой», досоветской истории в общее пространство исторической памяти народа (своего рода «реабилитация» ряда исторических фигур, полководцев А. В. Суворова, М. И. Кутузова и др.).

В современной России в последние десятилетия также произошла значительная смена пантеона национальных героев. Процесс это непростой, даже болезненный, так как пантеон героев позволяет не только выявить поворотные, ключевые вехи национальной истории, но и довольно четко определить, что народ больше ценит – силу или насилие, ум или хитрость. («Несчастлива страна, у которой нет героев», – писал французский мыслитель П. Буаст). Представляются малодостойными попытки провести почти тотальную дегероизацию российской истории, когда под предлогом борьбы с лжегероями и мифами шло развенчание действительных героев, формализация их почитания, размывание самого понятия подвига и девальвация героического поведения. Нация, забывая о своем героическом прошлом, лишается исторической памяти. А без исторической памяти нет и исторического кругозора. У Гегеля есть такие слова: «Для лакея нет героя. И не потому, что герой не есть герой, а потому, что лакей есть лакей». Отказываясь от своих героев, общество тем самым отказывается от возвышенного, одухотворенного, ибо на Руси издавна мотивом героизма была не личная слава, как, например, у древнегреческих и древнегерманских народов, а готовность «положить живот свой за други своя».

Происходящие в обществе процессы наглядно показывают, что многие проблемы российской истории, со всеми ее загадками, парадоксами и катаклизмами, остаются спорными и в настоящее время. Обществу трудно прийти к однозначным решениям и оценкам. Какие страницы отечественной истории могут и должны вызывать гордость и уважение к своей стране и народу? Кого следует считать истинными гражданами-патриотами, великими историческими деятелями России? К тому же «связь» патриотизма и гражданственности не проста. Патриотизм предполагает безоговорочное служение Отечеству. Но при этом важно, чтобы он проявлялся и в мирной жизни, формировалась активная жизненная позиция и гражданское самосознание. Гражданственность в зависимости от характера политической системы может выражаться в поддержке или несогласии с какими-то ее действиями либо в полном отрицании системы

и борьбе с ней. Другими словами, гражданственность, по сравнению с патриотизмом, более динамична, она ставит человека перед нравственным выбором [Самсонова, 2011; Самсонова, 2012].

Исторический опыт убедительно доказывает, что важнейшим условием формирования эффективной национально-государственной идентичности является стратегический характер и системность проводимой «политики памяти», выбор оптимальной модели ее институциональной организации, обеспечение скоординированной деятельности основных субъектов политической социализации. Можно сказать, что целенаправленное государственное «вмешательство» в процессы политической социализации и идентификации является необходимым атрибутом самого государственного устройства. Велико и значение транслируемого многогранного «образа будущего», своего рода общественного идеала (его отсутствие в наши дни пагубно сказывается на состоянии общества), создание и воспроизводство многомерного пространства общенациональных политических символов [Титов, 2016].

В формировании советской модели национально-государственной идентичности, несмотря на определенные достижения, были и серьезные просчеты, которые в конечном счете и привели, наряду с другими причинами, к ее разрушению. Это постоянная апелляция к конфликтному образу прошлого, чрезмерная идеологизация, все возрастающий разрыв между идеалом и реальностью и др.

Представляется, что осмысление и учет этих просчетов может действовать совершенствованию механизма формирования современной российской общегражданской идентичности. А это нелегкий, сложный процесс в условиях острой конкуренции различных идеологических, религиозных и ценностных систем современного мира.

Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 2004.

Каменский А. Б. Парадоксы массового исторического сознания и конструирование образа прошлого // Международ. фонд соц.-экон. и полит. исследований (Горбачев-фонд) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gorby.ru/activity/conference/show_478/view_24235/ (дата обращения: 06.07.2017).

Самсонова Т. Н. Гражданское образование в условиях глобализации: проблемы и пути совершенствования // Кризис цивилизации в контексте политических процессов XXI века / под ред. А. И. Костина. М., 2016. С. 222–247.

Самсонова Т. Н. К вопросу о формировании гражданственности в современной России // Гражданское общество: теория и практика : ежегодник. 2011. Вып. 5 / под ред. Б. Г. Мирнова и Ю. М. Резника. М. ; Чебоксары, 2011. С. 49–62.

Самсонова Т. Н. О гражданском воспитании нового поколения в современной России // Личность. Культура. Общество. 2012. Т. XIV. Вып. 1. № 69–70. С. 147–154.

Самсонова Т. Н. Становление гражданина-патриота // Вопросы социальной теории : науч. альманах. Т. VII. Вып. 1–2. 2013–2014. Человек как субъект конструирования / под ред. Ю. М. Резника и М. В. Тлостановой. М., 2015. Т. 7. № 1. С. 231–239.

Следзевский И. В. Образ России как смысловой конструкт. (Семантическая составляющая «главного русского спора») // Общ. науки и современность. 2007. № 7. С. 103–113.

Титов В. В. Конструирование национально-государственной идентичности в XX веке: анализ советского опыта // Информ. войны. 2016. № 2. С. 7–12.

Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М., 2017.

Тишков В. А. Российский народ и национальная идентичность // Известия. 2007. 19 июня.

УДК 94(574.11).084.5

Т. В. Соловьева

УРАЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ КАК УТОПИЯ*

В статье рассмотрены представления общественности Урала о перспективах развития хозяйства региона накануне районирования, которые во многом определили проведение границ на областном, окружном уровнях, а также стали своеобразной программой развития Уральской области. Сделан вывод о том, что это видение будущего ограничивало развитие Урала не только своей утопичностью (устройство водных каналов и использование энергии ветра), но и стремлением все экономические проблемы решить на местном уровне (местная электрификация и местные виды топлива).

К л ю ч е в ы е с л о в а: Уральская область, районирование Урала, промышленность Урала, территориальная система управления промышленностью.

После падения царского режима в сознании масс появилась идея о том, что светское правительство будет открыто всем новшествам, достижениям науки, что наступает эпоха изменений. На Урале этот период совпал с районированием, которое в 1920-е гг. мыслилось как моделирование хозяйственных и управленческих процессов. В ходе дискус-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект №16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).